

Стефани Оукс

СВЯЩЕННАЯ ЛОЖЬ

Москва
2021

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-90

Stephanie Oakes
THE SACRED LIES OF MINNOW BLY

Copyright © 2015 by Stephanie Oakes.

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Dial Books
for Young Readers, an imprint
of Penguin Young Readers Group, a division
of Penguin Random House LLC

Иллюстрация на переплете *А. Рысухиной*

Оукс, Стефани.

О-90 Священная ложь / Стефани Оукс ; [перевод с англ.
ийского Е. В. Парахневич]. — Москва : Эксмо, 2021. —
320 с. — (Кинопремьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-117888-8

Жестокая и обнадеживающая история об опасностях слепой
веры и силе веры в себя.

Кевинианский культ отнял у семнадцатилетней Минноу Блай
все: двенадцать лет ее жизни, ее семью, ее способность доверять.
А когда она взбунтовалась, отнял и ее руки. Но теперь Пророк
погиб, а Община сожжена дотла. Окровавленная и истерзанная
Минноу — основная свидетельница происшествия — оказывается в
тюрьме для несовершеннолетних. Ее саму и ее близких подозрева-
ют в многочисленных преступлениях. Минноу вынуждена забыть
все, чему ее учили в Общине, чтобы выжить за решеткой. ФБР
предлагает девушке сделку: долгожданная свобода в обмен на чест-
ный рассказ о той ночи. Но она никогда и ни за что не скажет всей
правды о смерти Пророка. Что же скрывает Минноу Блай?

Великолепно написанный, захватывающий и пронизанный ис-
корками неожиданного юмора, этот шокирующий дебют идеально
подходит для читателей книг Эмили Мердок «Если ты найдешь
меня» и Новы Рен Сума «Стены вокруг нас», а также для поклон-
ников сериала *Orange is the New Black*.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Парахневич Е.В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-117888-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящается матери,
которая научила меня быть сильной,
и всем безруким девочкам,
которые учатся сами.*

Глава 1

Я стою вся в крови.

А он валяется у моих ног. Избитый до полусмерти. Ботинки испачкала. Хочу видеть его глаза, но они закрыты, прячутся под бледными веками.

Изо рта густыми белыми клубами вырывается дыхание. С каждым вдохом все отчетливей приходит осознание, что так, видимо, и должен чувствовать себя человек, который владеет чьим-то телом или душой.

Наверное, так чувствовал себя Пророк, когда велел отнять у меня руки.

Наверху по мосту с металлическим лязгом несутся машина. В желтом свете фонарей падают снежинки размером с ноготь. В темном небе мерцают одинокие звезды. Хорошо бы положить снежинку на ладонь... маленькая, я часто так делала. Только мне уже не пять лет, и рук у меня больше нет. Та девочка считай что умерла.

Я сажусь в сугроб на корточки и гляжу, как самый красный цвет на земле понемногу зарастает льдистой коркой. Становится вдруг очень холодно. Холоднее, чем в самый морозный день. Холоднее, чем когда-либо в жизни.

Глава 2

Подъезжают полицейские. Белесые размытые фигуры — призраки, затянутые в тугую синюю униформу. Лиц не разобрать. Порой я выхватываю из темноты то нос, то глаза, но черты тут же размываются, и лишь хриплые голоса дерут рассветную дымку. Изувеченного юношу запихивают в машину «Скорой помощи», и та с визгом уносится.

Полицейские хотят надеть мне наручники... не выходит. Я прикусываю губу — металл больно царапает тонкую розовую кожу.

— Нам обязательно ее заковывать? — ворчит один коп.

— Ты видел, что она сделала? — отвечает второй. — Парня будто катком переехали.

— А ее ты видел?

Да, посмотрите на меня. На руки, скрещенные на животе, — а на концах у них ни ногтей, ни пальцев, ни кулаков, ни кистей. Мне нечем дать отпор. Полицейские пялятся на штаны и драную рубаху, которые дал Джуд. Одежда до самого верха заляпана кровью.

В конце концов мне сцепляют наручниками локти, едва не вывернув их из суставов. Но я не жауюсь. Я вообще молчу. Наговорила в своей жизни уже больше положенного.

Глава 3

Город я впервые вижу из окна патрульной машины. Гляжу сквозь залапанное пальцами стекло, как солнце выглядывает из-за усыпанных снегом домов.

— Молись, чтобы он выжил, — говорит один полицейский, и я снова вижу перед собой парня с расквашенным лицом и выбитыми зубами.

В крови до сих пор гудит адреналин.

* * *

В полицейском участке деревянные стены и грязная плитка. А еще пахнет горелым кофе.

Там обсуждают, как лучше снять у меня отпечатки пальцев.

— Без них нельзя. Как потом ее опознать?

Они с легкостью рассуждают о том, что мучает меня уже несколько месяцев, хотя я не смею признаться в этом вслух. Один начинает листать инструкцию — может, в ней что упоминается на сей счет, — другой засовывает каждый мой обрубок в чернильницу и прижимает к бумаге. Там остаются два кривых черных отпечатка.

— Наверное, в этом случае достаточно анализа ДНК, — говорит первый, отрывая взгляд от инструкции. Порывшись в ящике стола, достает клочок ваты, разматывает ее и сует мне под нос. — Плюй.

— Зачем вам мои слюни?

— Плюй, сказал!

Я собираю во рту всю влагу, что есть, и роняю на ватный комок. Полицейский упаковывает его в пластиковую коробочку с крышкой и кладет на край стола.

Вспышка фотоаппарата ярче любого костра; я закрываю лицо культиями. Меня чуть ли не воло-

ком тащат в соседнюю смотровую. Приоткрыв веки, вижу перед собой застеленную кушетку со стремянками возле кафельной стены. Рядом поднос с щипцами и плоским белым держателем. Темноволосая женщина берет меня за плечо и подталкивает к кушетке.

Я артачусь.

— Не переживай, — говорит та. — Это обычная для таких дел процедура.

Женщина опускает голову набок, и я вижу себя ее глазами: тощую, грязную, без рук, в одежде, пропахшей кровью.

— М-мне это не надо, — говорю я, старательно отворачиваясь от кушетки. — Ничего такого не было.

— Точно? — спрашивает та.

Под ее липким взглядом ужасно хочется чесаться. Внезапно разозлившись, я киваю.

Ей нужно сфотографировать мои синяки, поэтому она подводит меня к пластиковому ящику с одеждой мутно-грязного цвета, как вода для мытья посуды, и велит выбрать нижнее белье. Я достаю бежевые трусы. Они, конечно, стираные, но каким-то чудом еще хранят формы тех девушек, которые бывали здесь раньше.

За синей хрустящей занавеской с меня стаскивают брюки и рубашку, оставив голышом и босиком на кафельном полу. Никогда себя такой не видела — белой и с подтеками крови на коже. Не моей, хотя женщина этого не знает.

Они так и не сказали, умер тот юноша из-под моста или нет.

Женщина натягивает на меня трусы и надевает на грудь лифчик. Я невольно дергаю плечами — резинки непривычно давят. Она поднимает мои брюки, и на пол с глухим стуком вываливается содержимое кармана. Мумифицированная рука, суставы которой обмотаны золотой проволокой.

— Это еще что?! — ахает женщина.

Я поднимаю обрубок и показываю ей.

Она роняет челюсть. Даже морщины вмиг разглаживаются. Затем, опомнившись, женщина тут же нацепляет прежнюю маску равнодушия, совсем как люди в Общине, узревшие очередное зверство. Обычно мы старались не смотреть. Всегда находились дела поважнее: доить коров, готовить ужин, успокоить младенца, ором зовущего кого-нибудь из своих матерей...

Женщина залезает в другой карман, вытаскивает вторую руку и кладет обе на блестящий поднос.

— Мне их потом вернут?

Она снова искоса на меня глядит.

— Нет. Ни в коем случае.

— Почему?

— Это человеческие останки. Есть правила. — Она откашливается. — Их будут хранить как вещественные доказательства, а потом, когда надобность отпадет, утилизируют.

— То есть сожгут?! — Я давлось воздухом. Только не это! Так нельзя! Это же мои руки! Отдайте!

Я лезу мимо нее, чтобы их забрать.

Женщина сжимает пальцы в кулак и упирается мне в грудь.

— Не вынуждай меня применять силу.

Кожа вокруг губ у нее идет тонкими глубокими складками. Видя, что я больше не брыкаюсь, она берет поднос и выходит из смотровой. Когда возвращается, поднос уже пуст.

И тогда я понимаю, что не только Пророк способен отнять у девочки руки.

Глава 4

Когда меня снова выводят к патрульной машине, за рулем и на пассажирском сиденье уже сидят двое полицейских с сонными глазами. Они с громким хрустом жуют что-то незнакомое из яркого пакета. Держат его бережно, словно боятся сломать. А доев, сминают пакет с противным скрежетом и бросают прямиком на землю. Мы едем по заснеженным улицам к большому белому зданию — больнице, как мне сказали.

Там в смотровой доктор велит показать руки, но я прячу их за спиной, и одному из полицейских придется силой вытянуть мои культи под яркую лампу.

Доктор заметно мрачнеет. Обрубки до сих пор измазаны чернилами.

Меня укладывают спать и разрезают культи крохотными ножами, потом обматывают руки яркочелюстными бинтами, обещая в следующий раз за чем-то взять немного кожи с ноги. Затем, несколько дней спустя, меня снова режут, предварительно усыпив лекарствами из пластикового мешка с трубками.

Далеко не сразу я понимаю, что новые руки мне все-таки не сделают. Не получится, втолковывает

врач, будто глупой, а я отворачиваюсь, глядя в стену горящими глазами.

Маленькой я верила в чудеса. Теперь, наверное, уже нет.

* * *

Утром приходит женщина в сиреновом костюме. Она бросает портфель на линолеум в больничной палате и называется моим общественным защитником. Садится на краешек кровати и украдкой поглядывает на замотанные бинтом кульги. Я под одеялом немного сдвигаю ноги, освобождая ей место.

— Меня зовут Хуанита, — сообщает адвокат. — А ты, видимо, и есть та самая Минноу Блай?

Я смотрю на нее краешком глаза.

— Я буду представлять твои интересы в суде. Следить, чтобы ты получала все необходимое, пока не перейдешь на следующий этап.

— Какой еще следующий этап? — спрашиваю я. — Тюрьма?

Про тюрьму я слышала. По словам Пророка, там полным-полно страшных людей, таких жутких, что даже язычники их боятся. Падших ангелов и еретиков, способных убить одним касанием.

Хуанита невесело улыбается.

— Давай не будем переживать раньше времени.

Она выводит меня на прогулку по больничному коридору. Я плохо чувствую под собой пол в мягких тапочках, которые выдали взамен украденных ботинок, и грудь уже на десятом шаге начинает гореть огнем. Не знаю, почему легкие не могут дышать. Из-за крови? Дыма? Или чего похуже?

Хуанита предлагает поддержать меня за локоть, но я качаю головой. Вместо этого приваливаюсь боком к стене возле большого пластикового окна, бережно выставив перед собой шарики из бинтов. В груди горит, руки трясутся. Снаружи, вдалеке, грязным облаком парит пепел. Словно над райскими кущами, куда больше никто не захочет попасть.

— Вот и все, что осталось от Общины, — говорит Хуанита. — Огонь уже потушили, но ветра зимой почти не бывает, поэтому дым развеется не скоро. Он тянется на много миль. Говорят, пропадет не раньше чем через месяц.

— А там... что-нибудь слышно про погибших? — спрашиваю я.

Хуанита поворачивается ко мне лицом.

— Пока нашли два тела, но все засыпано снегом. Продолжают поиски.

— Пойдемте, — говорю я.

И отталкиваюсь от стены, хотя легкие до сих пор горят огнем.

* * *

Медсестры дают мне морфин, и дни текут один за другим. Я замечаю у двери тень полицейского, сторожащего палату. Хорошо, что он такой здоровяк. Мне часто вспоминаются Пророк с топором и кулаки озверевшей толпы, но, глянув на синее плечо за дверью, я быстро успокаиваюсь. Знаю: он сторожит меня, чтобы я не сбежала, однако, наверное, не только — еще и бережет от того, что снаружи.

Приходит физиотерапевт, чтобы научить меня жить без рук.

— Сперва будет очень трудно, — предупреждает она. — Возможно, сперва без чужой помощи ты не сможешь, но вскоре освоишься.

Она кладет на пол спортивные штаны и учит меня медленно натягивать их культиями. Руки из-за бинтов толстые, каждое движение отзывается болью в костях, я с трудом затаскиваю пояс на угловатые бедра.

Врач говорит, что, когда швы заживут, мышцы иссохнут и станут тонкими. Тоньше, чем запястья. Будут работать как большие пальцы. И я даже забуду, что когда-то у меня были руки.

Глава 5

Хуанита приходит ко мне в палату, когда я завтракаю — доедаю кашу с тонкими ломтиками клубники. Она говорит, что прошло уже три недели со дня моего ареста и настала пора действовать. Я спрашиваю, что это значит, и она вываливает из пакета на кровать гору одежды. Фабричной, окрашенной в неестественные цвета, каких нет в природе. Я упрямо качаю головой.

— Тогда попроси кого-нибудь, чтобы это постирали. Носишь вещи с самого ареста...

Она тычет пальцем в мою рубашку. Та, что Джуда. Он дал мне рубашку, когда я оказалась у него в хижине после того, как потеряла руки. Воняет, конечно, я и сама чувствую, но забрать не позволю. Это единственное, что от него осталось.